

ЭКОНОМИКА, КУЛЬТУРА И СЧАСТЬЕ: ЕСТЬ ЛИ ВЗАИМОСВЯЗЬ?

© 2017 г. О. Антипина

АНТИПИНА Ольга Николаевна, доктор экономических наук, профессор.

МГУ им. М.В. Ломоносова, экономический факультет,
РФ, 119991 Москва, Ленинские горы, 3-й учебный корпус
(antipina@econ.msu.ru).

Статья поступила в редакцию 06.03.2017.

Анализируются экономические и культурные факторы, определяющие отраженные в ряде международных рейтингов межстрановые различия уровней счастья. Показана относительная важность отдельных культурных факторов в объяснении различий между странами мира в оценках удовлетворенности жизнью. Особое внимание уделено причинам устойчивого “восточноазиатского дефицита счастья”. Выделены некоторые специфические подходы к экономической политике, нацеленной на повышение субъективного благосостояния.

Ключевые слова: уровень счастья, удовлетворенность жизнью, субъективное благосостояние, экономическая теория счастья, “парадокс Истерлина”, “погоня за Джонсами”, культурные ценности, индивидуалистская культура, коллективистская культура, “восточноазиатский дефицит счастья”.

DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-7-35-44

“Почему одни страны счастливы, а другие несчастны?” – так можно расширить смысл названия опубликованной в 2012 г. книги Д. Аджемоглу и Дж.А. Робинсона “Почему одни страны богатые, а другие бедные?” [1]. Она начинается с описания города Ногалеса, северная часть которого относится к штату Аризона, США, а южная – к штату Сонора, Мексика. Различия между ними разительны: на севере средний доход семьи в три раза выше, чем на юге; качество систем здравоохранения, образования и охраны правопорядка, коммунальных услуг, дорог гораздо выше; демократическое устройство политической системы привычнее. Однако жителей Ногалеса роднит географическое положение, климат, общие предки и многое из того, что принято обозначать понятием “культура”. Аджемоглу и Робинсон настаивают на том, что отличия, “которые порождены различными институтами двух Ногалесов и двух стран, в которых расположены эти города, и есть главная причина принципиальных отличий в уровне благосостояния с одной и с другой стороны границы” [1, с. 20].

Можно ли, исходя из этого, утверждать, что жители американского Ногалеса счастливее обитателей мексиканского Ногалеса, как и в целом проживающие в США счастливее обитающих в Мексике? Не стоит спешить с ответом. По данным последнего

Всемирного обзора ценностей¹ за 2010–2014 гг., на вопрос “В целом, могли бы Вы сказать, что Вы очень счастливы?” положительно ответили 67.5% мексиканцев и только 36.1% американцев. На вопрос “Принимая во внимание все обстоятельства, насколько в целом Вы удовлетворены своей жизнью в настоящее время?” 43.5% мексиканцев и только 9.3% американцев ответили: “Полностью удовлетворен” [2]. При этом в 2014 г. ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в США составлял 53 776 долл., а в Мексике – 17 369 долл. [3, pp. 252-253]. Налицо парадокс: в Мексике проживает почти в два раза больше абсолютно счастливых и почти в пять раз больше полностью удовлетворенных жизнью людей, чем в США, хотя среднедушевой ВВП в три с лишним раза меньше.

Экономическая теория счастья (*economics of happiness*) – уже сформировавшееся научное направление [4]. Выявлять связи между экономическими факторами и субъективными оценками благополучия людей начали в 1970-х годах нобелевский лауреат 2002 г. Д. Канеман и Р. Истерлин. Позднее к ним присоединились А. Алесина, А. Дитон, Р. Ди Телла,

¹Всемирный обзор ценностей (*World Values Survey*) – социологический исследовательский проект, который с 1981 г. дает представление о ценностях и их воздействии на социальную и культурную жизнь людей уже почти в ста странах мира.

Таблица 1. Рейтинг стран по оценкам удовлетворенности жизнью (“индекс лучшей жизни”, 2016 г.)

Место в рейтинге	Страна	Удовлетворенность жизнью	Место в рейтинге	Страна	Удовлетворенность жизнью
1	Норвегия	7.6	20	Великобритания	6.5
2	Швейцария	7.6	21	Бразилия	6.5
3	Дания	7.5	22	Франция	6.4
4	Исландия	7.5	23	Испания	6.4
5	Канада	7.4	24	Мексика	6.2
6	Финляндия	7.4	25	Словакия	6.2
7	Новая Зеландия	7.4	26	Польша	6
8	Австралия	7.3	27	Россия	6
9	Нидерланды	7.3	28	Япония	5.9
10	Швеция	7.3	29	Латвия	5.9
11	Австрия	7.1	30	Италия	5.8
12	Израиль	7.1	31	Корея	5.8
13	Германия	7	32	Словения	5.7
14	Бельгия	6.9	33	Эстония	5.6
15	США	6.9	34	Греция	5.6
16	Ирландия	6.8	35	Турция	5.5
17	Люксембург	6.7	36	Венгрия	5.3
18	Чехия	6.6	37	Португалия	5.1
19	Чили	6.5	38	ЮАР	4.9

Составлено по: [5].

Э. Кларк, Р. Инглехарт, Р. Лэйард, Р. Маккуллох, Ю.-К. Онг, Б. Фрей, Дж. Хеллиуэлл и др. Новейшим исследованиям удовлетворенности жизнью все более присущ междисциплинарный характер: поиск осуществляется на стыке экономики и социологии, политологии, культурологии и даже медицины².

ПАРАДОКСЫ РЕЙТИНГОВ СЧАСТЬЯ

На основе опросов населения авторитетными исследовательскими группами и международными аналитическими организациями разработан набор рейтингов, оценивающих, насколько счастливы жители разных стран мира. В опросах используются различные термины (как в русском, английском, так и других языках, на которых формулируются вопросы): “счастье” (*happiness*), “удовлетворенность жизнью” (*life satisfaction*), “субъективное благосостояние” (*subjective well-being*). Они обычно используются как синонимы, поскольку каждый из них предполагает корреляцию психологических, культурных, религиозных, экономических и политических факторов. Смысл этих

²Десятки международных научных конференций, посвященных различным междисциплинарным проблемам счастья, проводятся в разных странах мира с начала 2000-х годов. “Междисциплинарным форумом по субъективному благополучию” стал появившийся в марте 2000 г. *Journal of Happiness Studies*, издаваемый международной издательской компанией *Springer*.

терминов схож – доминирование положительных эмоций и удовлетворенность жизнью в целом.

“Индекс лучшей жизни” (*Better Life Index*) с 2011 г. ежегодно определяется для стран – членов ОЭСР, а также Бразилии, России и ЮАР. Удовлетворенность жизнью, входящую в состав этого индекса, респонденты оценивают по шкале от 0 до 10 (табл. 1).

Впервые построенный в 2006 г. “Международный индекс счастья” (*Happy Planet Index*) в 2016 г. был рассчитан для 140 стран с учетом *экологического следа (EF)*³, а также *удовлетворенности жизнью (EWB)*, под которой понимается здоровье и факторы, определяющие субъективное благополучие (чувство собственной значимости и вовлеченности в происходящее, наличие внутренних сил для борьбы с трудностями, отношения в семье и с друзьями, принадлежность к сообществу и т.п.), и *продолжительности жизни в стране (LE)*, скорректированных с учетом *разброса результатов (IO)*:

$$HPI = \frac{EWB \times LE \times IO}{EF}$$

³Экологический след – это площадь земли, необходимая для поддержания жизнедеятельности отдельного человека, предприятия или сообщества, а также для восстановления потребляемых ими природных ресурсов и утилизации отходов.

Таблица 2. Рейтинг стран по “международному индексу счастья” (2016 г.) и “всемирному докладу о счастье” (“рейтинг счастья”, 2013–2015 гг.)

Место в рейтинге	Страна	“Международный индекс счастья”	Место в рейтинге	Страна	“Рейтинг счастья”
1	Коста-Рика	44.7	1	Дания	7.526
2	Мексика	40.7	2	Швейцария	7.509
3	Колумбия	40.7	3	Исландия	7.501
4	Вануату	40.6	4	Норвегия	7.498
5	Вьетнам	40.3	5	Финляндия	7.413
6	Панама	39.5	6	Канада	7.404
7	Никарагуа	38.7	7	Нидерланды	7.339
8	Бангладеш	38.4	8	Новая Зеландия	7.334
9	Таиланд	37.3	9	Австралия	7.313
10	Эквадор	37.0	10	Швеция	7.291
...	...	...	11	Израиль	7.267
32	Дания	32.7	12	Австрия	7.119
...	...	...	13	США	7.104
72	Китай	25.7	14	Коста-Рика	7.087
...	...	...	15	Пуэрто-Рико	7.039
108	США	20.7	...	...	...
...	...	...	56	Россия	5.856
116	Россия	18.7	...	...	...
...	...	...	156	Сирия	3.069
140	Чад	12.8	157	Бурунди	2.905

Составлено по: [6, 7].

Этот индекс отражает, насколько успешно страны справляются с задачей достижения долгой и счастливой жизни своих граждан в условиях устойчивой окружающей среды (табл. 2).

“Всемирный доклад о счастье” (*World Happiness Report*) был впервые представлен группой независимых экспертов в 2012 г. В издании 2016 г. опубликован “Рейтинг счастья” за 2013–2015 гг. для 157 стран, в которых у респондентов спрашивали, довольны ли они своей жизнью, а также просили оценить уровень своего благосостояния и удовлетворенности жизнью по шкале от 0 до 10 (табл. 2).

Очевидно, что включение экологического следа в показатель счастья выводит в лидеры рейтинга страны с наиболее благоприятной ситуацией в области окружающей среды, отводя развитым странам роль отстающих. Таким образом, парадокс роли экологии в представлениях о счастье прост: чем существеннее экологический след, тем ниже индекс счастья жителей относящейся к нему части планеты, тем хуже на данной территории достигается гармония благосостояния людей, их долгой жизни и сохранности природной среды.

Без учета экологической составляющей рейтинги стран мира по оценкам счастья обобщенно можно охарактеризовать так: богатые страны счастливее бедных,

причем индексы счастья одной и той же страны в разные периоды времени отличаются меньше, чем индексы счастья разных стран в один и тот же период. Этот вывод полностью отражает знаменитый “парадокс Истерлина”: несмотря на то, что богатые люди в целом счастливее бедных, экономический рост не повышает уровень счастья жителей страны [8].

Парадокс, сформулированный Р. Истерлином в 1974 г. на основе анализа американской статистики и результатов “Общих социальных исследований” почти за четверть века послевоенной истории США, был подтвержден им в 2013 г. для других стран мира. Сопоставление временных рядов показателей уровня счастья и среднегодового темпа роста ВВП на душу населения как по отдельным группам стран (17 развитым странам – от 21 до 34 лет, 9 развивающимся странам – от 15 до 33 лет, 11 постсоциалистическим странам – от 12 до 22 лет), так и по всем исследованным 34 странам совместно, продемонстрировало, что долгосрочные тренды показателей счастья и дохода независимы⁴ [9]. Эта закономерность верна

⁴Тем не менее краткосрочные колебания показателей счастья и дохода положительно взаимосвязаны: уровень счастья жителей страны растет и снижается вслед за колебаниями экономической конъюнктуры в соответствии с динамикой безработицы и реальных доходов населения [9].

и для Китая, где, несмотря на четырехкратное увеличение (начиная с очень низкого уровня) реального ВВП на душу населения за два десятилетия, удовлетворенность жизнью не возросла, а снизилась.

Теоретическое объяснение “парадокса Истерлина” основано на психологических особенностях людей: для оценки субъективного благополучия важен не абсолютный, а относительный размер дохода. Иными словами, человек тем счастливее, чем он богаче по сравнению с представителями той группы, благосостояние которой он принимает за эталон. Такой психологический тип поведения получил название “погони за Джонсами” (*“keeping up with the Joneses”*), которыми могут быть не только соседские семьи, но и коллеги, друзья и т.п.

Так, снижение уровня счастья жителей Китая в 1990–2000 гг. на фоне существенных улучшений условий жизни и роста доходов населения было объяснено с помощью концепции “людей недовольных успехом”. К ним относятся те, кто в ходе рыночных преобразований увеличили свой доход в абсолютном выражении, но стали беднее относительно “настоящих победителей”. Причина этого явления заключается в том, что экономический рост в Китае привел к быстрому и асимметричному разрастанию страты богатейших жителей страны, в то время как большинство китайцев оказались сравнительно неудовлетворенными своим финансовым положением [10].

Примечательно также и то, что чем выше неравенство доходов в обществе в целом, тем ниже уровень счастья, декларируемые его членами. Как показали результаты исследования, которое провели для США и Европы А. Алесина, Р. Ди Телла и Р. Маккуллох, в целом американцы чуть менее негативно реагируют на неравенство доходов в плане оценок субъективного благополучия, чем европейцы. При этом на субъективном благополучии наиболее богатых американцев и европейцев неравенство доходов в обществе сказывается одинаково негативно, а отрицательная реакция самых бедных европейцев намного сильнее, чем самых бедных американцев, что может быть связано с большей социальной мобильностью в США [11].

Также обращают на себя внимание существенные и устойчивые межстрановые различия в оценках субъективного благосостояния, зафиксированные как во Всемирном обзоре ценностей, так и в рейтингах счастья. Тут не помогают ссылки на разные уровни экономического развития. Так, ВВП Сингапура на душу населения более чем в 80 раз выше аналогичного показателя для Индии, а по паритету покупательной способности превышает его более чем в 16 раз. Однако уровни счастья в этих странах примерно одинаковы [12, р. 53]. Сомнения

в идентичности коннотации вопросов, связанных с языковыми особенностями, беспочвенны: большинство жителей обеих стран свободно владеют английским языком. Подобные примеры можно продолжить.

Стремление разобраться в этом парадоксе подводит к необходимости рассмотрения роли культурных факторов в оценках субъективного благосостояния и несовпадения относительной важности отдельных культурных факторов при объяснении различий в этих оценках.

КУЛЬТУРА ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ

Г. Хофстеде определяет национальную культуру как “коллективное программирование мышления, которое отличает представителей одной группы людей от другой” [13, р. 9]. В поиске причинной связи между культурой и экономическими достижениями Л. Гуизо, П. Сапиенза и Л. Зингалес называют культурой “привычные ценности и убеждения, которые этнические, религиозные и социальные группы передают до некоторой степени неизменными из поколения в поколение” [14, р. 23].

Актуальны два способа включения культуры в экономический анализ: во-первых, ценности и поведенческие установки определяют аргументы и вид целевой функции индивида, а во-вторых, культура выступает частью институциональной среды (медленно меняющихся надконституционных правил) [15, с. 6]. Иными словами, с одной стороны, культура влияет на то, как индивиды воспринимают окружающий мир и свое место в нем, определяют свои цели и оценивают свои достижения, и, с другой стороны, культура как часть институциональной среды влияет на экономическое развитие.

Применительно к экономическому анализу субъективного благополучия представления о счастье и поведенческие установки по его достижению задают своеобразную “функцию счастья”, а культура, “растворенная” в институциональной среде, определяет экзогенные параметры, влияющие на возможности ее максимизации. Однако сложная схема такого влияния вызывает определенные трудности при проведении количественного анализа, поскольку, во-первых, при рассмотрении взаимосвязи между культурой и счастьем возникает проблема эндогенности, а во-вторых, смысл понятия “культура” очень широк, поэтому необходимо выявлять те параметры культуры, которые влияют на счастье наиболее сильно.

Дежу Е, Ю-Кван Онг и Юджун Лян в 2015 г. опубликовали результаты исследования зависимости между национальными индексами культуры

и показателями субъективного благосостояния. В качестве национальных индексов культуры они использовали измерения культуры, приведенные в “Проекте *GLOBE*” – исследовании, основанном на проведенном в 1990-х годах опросе менеджеров из 62 стран мира по вопросам о ценностях культуры и лидерских качествах. Методика проекта, опубликованного в 2004 г. [16], основана на индексах пяти измерений культуры Г. Хофстеде (индивидуализм–коллективизм, дистанция власти, неприятие неопределенности, гендерное равенство, краткосрочная–долгосрочная ориентация на будущее), к которым добавлены еще четыре измерения: склонность к инновациям, групповой коллективизм, гуманность отношений между людьми, уверенность в себе [17, р. 524].

Показатели субъективного благосостояния ими были взяты из статьи Р. Инглхарта и его соавторов [18], которые обобщили данные Всемирного обзора ценностей, характеризующие представления людей о качестве жизни на основе эмоциональных оценок и когнитивных суждений. Поскольку на счастье влияет множество факторов, то во избежание искажений авторы также ввели в модель следующие контрольные переменные: национальный доход, темп роста национального дохода, права человека, плотность населения, образование и сравнительный доход [17, р. 528].

Результаты эмпирического исследования “продемонстрировали, что, несмотря на то, что ВВП имеет существенную положительную корреляцию с субъективным благосостоянием, это объясняет лишь 3% вариативности показателя субъективного благосостояния между странами, то есть гораздо меньше, чем по переменным, характеризующим культуру” [17, р. 544]. Среди девяти измерений культуры наиболее значимый и устойчивый вклад в эти различия вносят индекс дистанции власти и индекс равенства полов.

Индекс дистанции власти измеряется степенью согласия индивида с принятой в культуре общества иерархией. Дистанция власти вызывает у индивидов ощущение того, что “они сданы на милость неподконтрольным им силам. Это вызывает еще более значительный внешний эффект, который отрицательно влияет на ментальное благополучие. Высокая дистанция власти в обществе идет рука об руку с неравенством, причем не только в организациях, но и в таких областях, как социальный статус и престиж, богатство и гражданские права” [17, р. 525]. Таким образом, связь между индексом власти и показателем субъективного благосостояния отрицательная.

Индекс гендерного равенства измеряется степенью, вплоть до которой в обществе минимизируется

роль гендерного различия. В обществах с высоким индексом гендерного равенства женщины имеют большую свободу выбора, лучше заботятся о своем здоровье и меньше подвержены наркомании, что повышает уровень субъективного благосостояния всей страны. Маскулиным обществам присущ больший уровень стресса на рабочем месте и меньший уровень удовлетворенности работой, а фемининные общества, напротив, в среднем имеют значительно более высокие оценки субъективного благосостояния. Таким образом, связь между индексом гендерного равенства и показателем субъективного благосостояния положительная.

Правда, по признанию самих авторов, результаты их исследования могут быть недостаточно точными. Во-первых, использованные индексы культурных измерений и показатели субъективного благосостояния взяты из разных источников, что допускает наличие проблемы дивергенции. Во-вторых, более точный результат влияния относительного дохода (ВВП на душу населения соседних стран) на субъективное благосостояние мог бы быть получен, если бы в расчетах участвовали показатели стран референтной группы. К примеру, жители Сингапура скорее сравнивают свое благосостояние с благосостоянием жителей таких стран, как Гонконг, Тайвань и Южная Корея, поскольку вместе они составляют группу “азиатских тигров первой волны” и имеют схожие культурные основания и уровни доходов, а не соседних стран – Малайзии и Индонезии, отличающихся в культурном плане и имеющих гораздо более низкие уровни среднедушевых доходов. В-третьих, заслуживает особого внимания исследование взаимосвязи между культурой и субъективным благосостоянием в странах, переживших глубокие системные экономические трансформации (КНР, России, Вьетнаме и др.) [17, pp. 544-545].

Тем не менее напрашивается важный вывод: для повышения уровня субъективного благосостояния желательно, во-первых, снижение дистанции власти и укрепление демократии, и, во-вторых, повышение гендерного равенства. Вопрос, как этого добиться, естественно, заслуживает специального рассмотрения.

КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ И СЧАСТЬЕ: ДИАЛОГ ВОСТОКА И ЗАПАДА

Один из наиболее распространенных подходов к исследованию влияния культуры на оценки субъективного благосостояния базируется на разделении стран на две большие группы: государства с индивидуалистской (европейско-американской) и страны с коллективистской (восточноазиатской)

культурой. Культурные различия между ними определяют как понимание счастья, так и мотивацию его достижения. Главный вывод исследований, основанных на этом подходе, состоит в том, что люди в странах с индивидуалистской культурой имеют более высокие уровни субъективного благосостояния, чем представители коллективистской культуры.

Жители стран с индивидуалистской культурой имеют большую свободу выбора. При этом степень такой свободы оказывает существенное и положительное влияние на уровень субъективного благосостояния, что было доказано с помощью регрессионного анализа Р. Инглхартом и его соавторами [18]. В странах с индивидуалистской культурой люди имеют более сильное ощущение самоидентичности и более последовательно реализуют свои интересы. Это означает, что они лучше осознают свои возможности и имеют собственный опыт их реализации, а не полагаются на советы других. Поэтому им проще представить себе, что такое счастье, и проще приобрести опыт его достижения.

У представителей коллективистской культуры сильнее социальная ориентация. Для них естественно ощущать себя на пути к счастью, как учат восточные религиозно-философские течения (буддизм, даосизм). “В коллективистских культурных зонах, включающих Японию, Корею и Китай, люди придают относительно большее значение человеческим взаимоотношениям, включая отношения в семье, с коллегами и соседями. На ощущения счастья относительно сильнее влияют оценки других. Взаимосвязь между субъективным благосостоянием и индивидуальными усилиями и достижениями не выражена. Это может снижать уровни счастья по сравнению с индивидуалистскими странами” [17, p. 520].

К аналогичному выводу пришли Д. Майерс и Е. Динер: “В целом представители коллективистских культур демонстрируют более низкие уровни субъективного благополучия, чем представители индивидуалистских культур, где нормы строго поддерживают переживание и выражение позитивных эмоций” [19, p. 12].

Как отмечают зарубежные исследователи, в китайском языке слово “счастье” до недавнего времени вообще отсутствовало. Древний аналог этого слова имел значение “нечто позитивное и хорошее в жизни”. В это понятие вкладывалось долголетие, процветание, здоровье, мир, добродетельность и даже комфортная смерть. “Конфуцианская философия ставит коллективное благосостояние семьи или клана (в широком смысле – общества и даже всего человечества) выше индивидуального; в ней делается акцент на гармонии между человеком, обществом

и природой. Таким образом, конфуцианство задает наиболее точные рамки для понимания китайской концепции счастья” [20, p. 479].

Конфуцианские ценности в китайском обществе воплощаются в четырех ипостасях: *семья* – ответственность перед семьей и кланом, включающая почитание старших; *коллектив* – принятие иерархической структуры общества, доверие и покорность власти, а также приверженность солидарности, гармонии и нормам коллектива; *работа* – образование, навыки, трудолюбие и бережливость; *характер* – аскетизм, спокойствие, скромность, самоконтроль. Путь к счастью состоит в том, чтобы на практике быть верным культурным ценностям конфуцианства.

Л. Лю, Р. Гилмор и С-Ф. Као провели количественное исследование роли культуры в определении счастья на Западе и на Востоке. Они, во-первых, определили принцип взаимосвязи между культурными ценностями и субъективным благосостоянием и выделили общий и специфический эффекты культуры на представления о счастье на Западе и на Востоке. Во-вторых, они установили количественную разницу в оценках счастья между Западом и Востоком, а также наличие гендерных отличий в оценках счастья внутри культур и между ними.

В их исследовании участвовали студенты университетов из Тайваня и Великобритании. Как подчеркивают авторы, поскольку население Тайваня на 90% состоит из китайцев этнической группы “хань”, для достижения однородности они привлекли к исследованию только представителей англосаксонского этноса с британской стороны.

Измерения проводились по 20 “восточным” и 28 “западным” качественным параметрам, значимым для определения счастья. “Восточные” параметры были распределены по шести группам: (а) гармония и межличностные отношения, (б) похвала и уважение со стороны других людей, (в) удовлетворение материальных потребностей, (г) достижения на работе, (д) жизненный успех (судьба) по сравнению с другими людьми, (е) душевное равновесие, а “западные” – по семи: (а) оптимизм, (б) социальные отношения, (в) позитивные эмоции, (г) удовлетворенность собственным влиянием на происходящие события, (д) физическая форма, (е) удовлетворенность достижением желаемого, (ж) внутренняя готовность к действию.

Среди культурных ценностей были выделены: (а) социальная интеграция (сыновний долг – послушание перед родителями, уважение родителей, гордость предками, финансовая поддержка родителей); (б) добросердечность (доброта – умение прощать

и сострадать); (в) конфуцианский трудовой динамизм (рост и развитие); (г) моральная дисциплина (бескорыстие и целомудрие).

Результаты исследования показали наличие корреляции в целом между культурными ценностями и счастьем. Однако для тайваньских студентов значимость культурных ценностей для определения собственного состояния как “счастье” оказалась выше, чем для британских студентов [20, р. 487]. При этом для первых вклад социальной интеграции и добросердечности как культурных ценностей в ощущение счастья оказался существеннее, чем для вторых. Что касается конфуцианского трудового динамизма или профессионального роста и развития, то значимость воздействия этой культурной ценности на счастье оказалась сопоставимой в обоих случаях [20, pp. 483-486].

Очевидно, что первый аспект объясняется различиями между принципами индивидуалистской и коллективистской культур. Второй же связан с тем, что два главных компонента конфуцианской трудовой этики — “(а) создание преданного, мотивированного, ответственного, а также образованного индивида и (б) усиленное чувство долга, организационной идентичности, а также лояльности к различным институтам” [20, р. 489] — имеют много схожего в протестантской трудовой этике, которая нацелена на высокую индивидуальную мотивацию к труду и национальный экономический рост.

Прямые сопоставления уровней счастья показали, что британские студенты давали более высокие оценки по сравнению с тайваньскими студентами. Это еще раз подтверждает идею о том, что люди в индивидуалистских обществах счастливее, чем представители коллективистских обществ [20, р. 489].

Интересен также факт, что среди британских студентов не было обнаружено гендерных различий в отношении значимости культурных ценностей для счастья. Среди тайваньских студентов молодые люди по сравнению с девушками придали большее значение социальной интеграции, конфуцианскому трудовому динамизму и моральной дисциплине, а по отношению к добросердечности гендерных различий не было выявлено [20, р. 487].

Примечательно, что подход Л. Лю, Р. Гилмора и С-Ф. Као имеет сходство с подходом Хофстеде: социальная интеграция и добросердечность — это показатели, отрицательно коррелирующие с дистанцией власти и индивидуализмом. Не случайно в исследовании Хофстеде по измерению индивидуализм — коллективизм из 53 стран Тайвань имеет ранг 44/53 как гораздо более коллективистское

общество по сравнению с Великобританией, ранжированной как 3/53 [21].

ЧТО УСУГУБЛЯЕТ “ВОСТОЧНОАЗИАТСКИЙ ДЕФИЦИТ СЧАСТЬЯ”?

Хотя Восточная Азия “весьма успешно развивается экономически, в ней совсем не так хорошо обстоят дела с достижением главной жизненной цели — счастья”. Такой вывод сделал Ю-Кван Онг на основе анализа уровней счастья КНР, Гонконга, Тайваня, Кореи, Японии и Сингапура, а также Малайзии и Вьетнама⁵ [12, р. 51]. Существенное отставание в оценках уровней счастья от государств со схожим уровнем экономического развития получило название “восточноазиатский дефицит счастья” (*East-Asian happiness gap*). Он имеет специфические экономические и даже в большей степени культурные причины.

Во-первых, увлеченность людей погоней за деньгами. Принцип “больше зарабатывать” рационален с индивидуальной точки зрения, но только до определенного предела⁶ и только на короткий период времени. В долгосрочном периоде на индивидуальном уровне этот эффект оборачивается потерей семейных отношений, друзей, здоровья и даже безопасности и свободы, а на уровне общества в целом может привести к разрушению природной среды в погоне за ростом производства и потребления. Конечно, аналогичные проблемы есть и на Западе, но в Восточной Азии они стоят острее в силу более высокой плотности населения и недостаточного внимания защите окружающей среды. Все это может свести к нулю повышение индивидуального уровня счастья за счет роста относительного дохода.

Во-вторых, жители Восточной Азии имеют репутацию склонных к высокой состязательности. Это отчасти объясняет их экономический успех. Как установили А. Кларк, К. Сеник и К. Ямада, к примеру, для жителей Японии характерна более высокая интенсивность “погони за Джонсами”, чем для европейцев⁷ [23]. К тому же, применяемые в Восточ-

⁵В число исследованных стран не были включены Филиппины, где оценки уровня счастья высоки, а также Таиланд и Индонезия, где имели место трудности экономического развития.

⁶Например, согласно исследованию, проведенному Д. Канеманом и А. Дитоном в 2008–2009 гг., у жителей США “эмоциональное благополучие растет вместе с ростом логарифма дохода, но до того момента, пока среднегодовой доход не достигнет 75 тыс. долл.” [22, р. 16489].

⁷Примечательно, что японцы в первую очередь сравнивают свои доходы с доходами друзей, а затем — с доходами коллег. Для европейцев характерен обратный порядок сравнений [23].

ной Азии образовательные методики дают высокие результаты в соревновательных достижениях, особенно на экзаменах. Не случайно среди победителей международных олимпиад по математике и естественным наукам много выходцев из стран Восточной Азии и Китая⁸. Однако высокая степень состязательности может быть пагубна для достижения счастья как на индивидуальном, так и на общественном уровне. Психологи убедительно утверждают, что индивиды, которые сильнее ориентированы на внешние цели (слава, богатство, имидж) по сравнению с внутренними целями (личное развитие, взаимоотношения, общение в сообществе по интересам), менее счастливы.

В-третьих, “восточноазиатская культура чрезмерно нацелена на послушание, порядок и коллективные интересы в ущерб индивидуализму, свободе и, следовательно, счастью” [12, р. 57], оказываясь разрушительной для раскрытия творческих способностей личности и достижения индивидуальных целей. Кроме этого, если, к примеру, в латиноамериканских странах положительные эмоции рассматриваются как желаемые, в странах с конфуцианской культурой, напротив, люди больше концентрируются на отрицательных эмоциях.

В-четвертых, “восточноазиатская культура слишком акцентирована на видимых проявлениях, на том, чтобы не потерять лицо, и гораздо меньше — на реальном удовольствии и настоящих чувствах” [12, р. 58]. Это отражается, к примеру, во внешнем облике храмов восточных религий, которые имеют пышное внешнее убранство и весьма сдержанный интерьер. Это относится и к жилым домам, которые на Востоке имеют красивую внешнюю облицовку и просторный общий холл, но при этом — маленькие квартирки с крошечными спальнями. Это проявляется и тогда, когда родители дают детям советы относительно создания семьи: если большинство родителей на Западе на первое место ставят счастье, то в Восточной Азии, напротив, большинство родителей обращают внимание на семейное прошлое и объективные свидетельства богатства [12, рр. 58-59].

ПОИСК ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ, ВЕДУЩЕЙ К СЧАСТЬЮ

Если, как доказано в многочисленных исследованиях, роль экономического развития страны (ВВП на душу населения) определяет не более 3% различий в показателях уровня счастья между

странами, то социально-экономическая политика, ведущая к счастью, должна быть преимущественно обращена на стимулирование положительного влияния на субъективное благополучие других сторон и параметров жизни личности и общества. Правда, для беднейших стран мира задача экономического роста в связи со стремлением повысить уровень счастья их жителей остается актуальной, ибо от этого во многом зависит создание других важных условий — инфраструктурных, медицинских, образовательных, экологических и т.п.

Помимо таких хорошо известных факторов, как здоровье, семья, наличие работы, вовлеченность в социальную жизнь, доказана важность свободы и демократии для счастья людей как на Западе [25], так и на Востоке [26]. Однако если следование принципам либерализма требует максимально уважать личные предпочтения, то как быть в тех случаях, когда они втягивают людей в “крысиные бега” за деньгами и конкуренцию за показное потребление? К тому же, индивиды не ведут себя полностью рационально, а максимизация богатства не является чем-то внутренне присущим природе человека. “Осторожное” влияние на предпочтения может обеспечить политика либертарианского патернализма, предполагающая предоставление индивиду максимально широкой свободы выбора в пространстве структурированных государством альтернатив.

* * *

Экономисты порой переоценивают неэффективность государственных расходов наряду с недооценкой их роли в развитии тех направлений, которые определяют счастье людей. Поэтому “увеличение государственных расходов на правильные направления, такие как образование, научные исследования, защита окружающей среды, могут значительно улучшить благосостояние по сравнению с неизбежными проявлениями их неэффективности” [26, р. 199], — справедливо заключает Ю-Кван Онг. Конечно, проблема неэффективности государственных расходов не может полностью игнорироваться. Например, один из аспектов снижения ее остроты — преодоление коррупции — успешно реализован в Сингапуре. Возможно, во многом благодаря этому, “инфраструктура, состояние окружающей среды, охрана здоровья населения в Сингапуре отвечают очень высоким стандартам, несмотря на относительно низкую долю государственных расходов в ВВП” [26, р. 205], равную 10% [3, р. 202]. Таким образом, понимание истинных причин межстрановых различий в оценках субъективного благополучия позволяет выявить подходы к тому, как сделать всех жителей нашей планеты счастливее.

⁸В 2016 г. командные результаты Международной математической олимпиады школьников в Гонконге оказались следующими: первое место — США, второе — Южная Корея, третье — Китай, четвертое — Сингапур, пятое — Тайвань, шестое — КНДР, седьмое — Россия [24].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Acemoglu D., Robinson J.A. *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York, Crown Business, 2012. 529 p.
2. *World Values Survey*. Available at: <http://www.worldvaluessurvey.org> (accessed 03.03.2017).
3. *Pocket World in Figures. 2017 Edition*. The Economist by Profile Books, London, 2016. 255 p.
4. Антипина О.Н. Экономическая теория счастья как направление научных исследований. *Вопросы экономики*, 2012, № 2, сс. 94–107. [Antipina O.N. Ekonomicheskaya teoriya schast'ya kak napravlenie nauchnykh issledovaniy [Economics of Happiness as an Academic Research Discipline]. *Voprosy ekonomiki*, 2012, no. 2, pp. 94-107].
5. *OECD Better Life Index*. Available at: <http://www.oecdbetterlifeindex.org> (accessed 03.03.2017).
6. *Happy Planet Index*. Available at: <http://happyplanetindex.org> (accessed 03.03.2017).
7. Helliwell J., Layard R., Sachs J. *World Happiness Report 2016*. Available at: http://worldhappiness.report/wp-content/uploads/sites/2/2016/03/HR-V1_web.pdf (accessed 03.03.2017).
8. Easterlin R.A. Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence. *Nations and Households in Economic Growth: Essays in Honor of Moses Abramowitz*. David P.A., Reder M.W., eds. New York, Academic Press, 1974, pp. 89-125.
9. Easterlin R.A. Happiness and Economic Growth: The Evidence. *IZA Discussion Paper*, no. 7187, January 2013. 32 p. Available at: <http://ftp.iza.org/dp7187.pdf> (accessed 03.03.2017).
10. Brockman H., Delhey J., Welzel Ch., Yuan H. The China Puzzle: Falling Happiness in a Rising Economy. *Journal of Happiness Studies*, 2009, issue 4, pp. 387-405.
11. Alesina A., Di Tella R., MacCulloch R. Inequality and Happiness: Are Europeans and Americans Different? *Journal of Public Economics*, 2004, vol. 88, pp. 2009-2042. DOI:10.1016/j.jpubeco.2003.07.006
12. Ng Y.-K. The East-Asian Happiness Gap: Speculating on Causes and Implications. *Pacific Economic Review*, 2002, vol. 7, no. 1, pp. 51-63.
13. Hofstede G. *Culture's Consequences, Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations across Nations*. Thousand Oaks (CA), Sage Publications, 2001. 616 p.
14. Guiso L., Sapienza P., Zingales L. Does Culture Affect Economic Outcomes? *The Journal of Economic Perspectives*, 2006, vol. 20, no. 2, pp. 23-48.
15. Никишина Е.Н. Культурный капитал как фактор неопределенности и транзакционных издержек. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 2015, № 5, сс. 3-21. [Nikishina E.N. Kul'turnyi kapital kak faktor neopredelennosti i transaktsionnykh izderzhkek [Cultural Capital as a Factor of Uncertainty and Transaction Costs]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika*, 2015, no. 5, pp. 3-21.] Available at: <http://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=26980&p=attachment> (accessed 03.03.2017).
16. House R.J., Hanges P.J., Javidan M., Dorfman P.W. Gupta V., eds. *Culture, Leadership, and Organizations: The GLOBE Study of 62 Societies*. Thousand Oaks, Sage Publications, 2004. 818 p.
17. Ye D., Ng Y.-K., Lian Y. Culture and Happiness. *Social Indicators Research*, 2015, vol. 123, issue 2, pp. 519-547. DOI: 10.1007/s11205-014-0747-y
18. Inglehart R., Foa R., Peterson C., Welzel C. Development, Freedom, and Rising Happiness: A Global Perspective (1981–2007). *Perspectives on Psychological Science*, 2008, vol. 3, no. 4, pp. 264-285.
19. Myers D. G., Diener E. Who is Happy? *Psychological Science*, 1995, vol. 6, issue 1, pp. 10-19.
20. Lu L., Gilmour R., Kao S-F. Cultural Values and Happiness: An East–West Dialogue. *The Journal of Social Psychology*, 2001, vol. 141, no. 4, pp. 477-493.
21. Hofstede G. *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills (CA), Sage Publications, 1980. 328 p.
22. Kahneman D., Deaton A. High Income Improves Evaluation of Life but not Emotional Well-Being. *Psychological and Cognitive Sciences*, 2010, vol. 107, no. 38, pp. 16489-16493.
23. Clark A.E., Senik C., Yamada K. The Joneses in Japan: Income Comparisons and Financial Satisfaction. *The Institute of Social and Economic Research, Osaka University Discussion Paper*, no. 866, March 2013. 28 p.
24. Ивойлова И. Золотой счет. *Российская газета*, Федеральный выпуск № 7024 (156), 15.07.2016. [Ivoilova I. Zolotoi schet [Golden Score]. *Rossiiskaya gazeta*, Federal'nyi vypusk no. 7024 (156), 15.07.2016.] Available at: <https://rg.ru/2016/07/15/shkolniki-iz-rf-stali-pobediteliami-mezhdunarodnoj-matematicheskoy-olimpiady.html> (accessed 03.03.2017).
25. Frey B. S., Stutzer A. Happiness, Economy and Institutions. *Economic Journal*, 2000, vol. 110, issue 466, pp. 918-938. DOI: 10.1111/1468-0297.00570
26. Ng Y.-K. Economic Policies in the Light of Happiness Studies with Reference to Singapore. *Singapore Economic Review*, 2002, vol. 47, no. 2, pp. 199-212.

ECONOMY, CULTURE AND HAPPINESS: IS THERE INTERCONNECTION?

(World Economy and International Relations, 2017, vol. 61, no. 7, pp. 35-44)

Received 06.03.2017.

Olga N. ANTIPINA (antipina@econ.msu.ru),

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics, 3rd training building, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

Economic development and culture are important factors affecting happiness. The paper discusses the impact of economic and cultural factors on the cross-country differences in happiness levels. Various approaches to international ratings of happiness appeared recently. The author focuses on the Better Life Index, the Happy Planet Index, and the Ranking of Happiness from the World Happiness Report while analyzing the effect of ecological consequences of economic development, relative income, economic growth, and level of inequality in society on the estimates of happiness. The author agrees with those economists who believe that cultural values play the most important and stable role in cross-country differences in life satisfaction. It is shown how various cultural factors differ in their effects on happiness. It is stressed that people in an individualist culture have higher levels of subjective well-being than those in a collectivist culture. Special attention is paid to East-Asian happiness gap and its reasons, including racing for money, excessive competitiveness, conformity, concentration on unpleasant emotions, and emphasis on outward appearance. Basing on the economics of happiness statements, the author suggests the economic policy measures for increasing subjective well-being. Despite the existing problems in economic growth in less developed countries strengthening democracy and raising gender equality are important for happiness in all over the world. Also, the author shares the ideas of libertarian paternalism about the welfare-improving influence on the human preferences through more public spending in such areas as infrastructure, environment, education, research, and public health. Public spending in these areas may be generally effective because of rising happiness level despite of its some unavoidable inefficiency.

Keywords: level of happiness, life satisfaction, subjective well-being, economics of happiness, Easterlin paradox, “keeping up with the Joneses”, cultural values, individualist culture, collectivist culture, East-Asian happiness gap.

About autor:

Olga N. ANTIPINA, Dr. Sci. (Econ.), Professor.

DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-7-35-44